

Прикрыв дверь и повернув ключ в замке, Мономах рухнул в свое кресло за столом, заваленным бумагами. О том, чтобы приняться за них сейчас, не могло быть и речи: он с утра на ногах, три операции от двух до трех с половиной часов с перерывами по двадцать минут — даже перекусить не успел бы, если бы не добросердечная медсестра Алина. Та сбегала в столовую и купила ему три пирожка с капустой и чай с лимоном, которые он съел и выпил буквально на ходу, перебегая от одной операционной к другой. К слову, он мог бы работать поменьше, ведь позиция заведующего отделением ТОН, то есть травматолого-ортопедическо-нейрохирургического, предполагает некоторые привилегии. Например, его коллега и вечный недруг, заведующий травматологией Тактаров, использовал эти привилегии на полную катушку, записывая себя вторым, а то и первым хирургом в операциях, в которых он вовсе не принимал участия! Для Мономаха это было неприемлемо, но и обычные бонусы в виде, скажем, уменьшения операционной нагрузки, его не устраивали: Мономах справедливо полагал, что хирург, перестав оперировать, умирает как профессионал, а потому «самозабвенно резал налево и направо», как со смехом выражалась его начальница и, по

совместительству, любовница, и.о. главного врача Анна Нелидова.

И все же возраст, похоже, берет свое, как ни печально это признавать! Скоро ему стукнет сорок семь — господи, УЖЕ сорок семь, а ведь, кажется, совсем недавно он окончил медицинский институт и ринулся в профессию очертя голову, мечтая заработать себе репутацию, сделать имя в медицинском сообществе и, возможно, совершить какой-нибудь значимый прорыв в своей области. Ну, положим, первые два пункта он выполнил, а третий... Что ж, он ведь не стар, может, все впереди? Однако еще пять лет назад Мономах даже не ощутил бы особого напряжения, выстояв девять часов у операционного стола, а сегодня у него ломит все тело, гудят ноги, а пальцы едва гнутся! Может, пора все-таки воспользоваться положением и перестать корчить из себя многостаночника?

Ну вот перед ним и встал вопрос возраста — дожили, как говорится!

С некоторых пор Мономах стал замечать, что большинство работников отделения моложе его. Когда коллеги поздравляют его с днем рождения и другими праздниками, то желают много всего — в зависимости от того, у кого как развита фантазия. В основном, конечно же, формулировки стандартные: счастья, здоровья и финансового благополучия. Ужасно не это, а то, что скоро, по всей видимости, останется единственное пожелание — здоровья. Для себя Мономах решил: когда это случится — значит, здравствуй, старость!

Дело осложнялось тем, что, несмотря на неурочное время, — конец апреля! — Комитет по здравоохранению скинул квоты на бесплатные операции по протезированию суставов и межпозвоноч-

ных дисков, а это означало, что работы не просто хватит на всех хирургов ТОН и травматологии Тактарова — пришлось кинуть клич и пригласить народ из НИИ травматологии и ортопедии имени Вредена и пары других больниц! Пациентов тоже пришлось вызванивать: хоть люди и стоят в очереди на операцию, нельзя забывать, что начинается дачный сезон. А кто у нас самые заядлые дачники? Правильно, пенсионеры, они же — самые вероятные пациенты ортопедической хирургии! И все же койки удалось заполнить быстро, а послеоперационных больных без осложнений и сопутствующих заболеваний не держат в стационаре больше недели — народ ломанулся валом, и теперь Мономах уже опасался, что квот на всех не хватит: придется звонить в Комитет и просить еще!

Так что вряд ли удастся в ближайшее время уйти в отпуск, как он рассчитывал. А жаль, ведь Мономах планировал провести время с сыном, которого почти не видел в течение года, если, конечно, исключить общение по видеосвязи! Может, к концу июля все рассосется и удастся выкроить пару недель?

Еще раз посмотрев на кипу бумаг на столе так, словно каждый из этих документов являлся его личным врагом, мешающим спокойно жить, Мономах решительно поднялся и направился к вешалке, на ходу стягивая халат, который, казалось, врос в тело за время, проведенное в операционной. И тут зазвонил телефон. Не мобильный, а стационарный, и это могло означать лишь одно: звонок официальный, придется снова вернуться к работе! Не брать? В принципе, время позднее, и никто бы не удивился... Черт, так нельзя — вдруг что-то важное?

— Владимир Всеволодович? — раздался мелодичный голос на другом конце провода, и Мономах ре-

шил, что его обладательница, должно быть, молодая. Секретарша какой-то «шишки»?

— Слушаю, — произнес он не слишком любезно: названивать позднее конца рабочего дня по меньшей мере невежливо!

— Наверное, вы меня не помните, я работала медсестрой в вашем отделении лет пять назад... Далманова я...

— Ольга Далманова? — перебил Мономах. — Ну почему же, я прекрасно тебя помню! Что, решила вернуться? А то у нас катастрофически не хватает среднего медперсонала...

— Да я, честно говоря... Владимир Всеволодович, вы действительно взяли бы меня обратно?

— Естественно, у меня есть две незакрытые ставки, а ты, если мне не изменяет память, хорошо работала!

— Спасибо. Может, я и вернусь!

— Оля, у тебя что-то случилось?

— Почему вы так решили?

— Ну, у тебя голос такой...

— Какой?

— Встревоженный, по-моему.

— Правда?

В трубке ненадолго повисло молчание, потом девушка снова заговорила.

— Владимир Всеволодович, вы правы: кое-что есть, только... — она снова осеклась.

— Оля?

— Я просто не знаю, с кем еще поговорить!

— Ты можешь поговорить со мной, если хочешь.

— Но не по телефону, хорошо?

— Можешь прийти в больни...

— Нет-нет, я не хочу посторонних глаз и ушей — меня же все знают!

Господи, что могло случиться такого, из-за чего Оля Далманова опасается огласки и даже просто того, что ее кто-то увидит в обществе Мономаха?!

— Хорошо, где ты хочешь поговорить? — спросил он вслух. — Может, мне подъехать к твоей...

— Нет-нет, только не к работе! — тут же перебила она. — Но рядом с нашим медицинским центром есть круглосуточное кафе. Я сегодня дежурю, так что смогу выскочить минут на двадцать. Когда вы сможете?

— Ну-у, — взглянув на часы, протянул Мономах, — где-то через час, если пробок не будет.

— Значит, около девяти... Хорошо, Владимир Всеволодович, буду ждать вас в кафе. Оно там одно, не перепутаете! И, на всякий случай, запишите мой сотовый.

Повесив трубку, Мономах откинулся на спинку кресла и призадумался. Оля Далманова действительно была хорошей медсестрой — знающей, опытной и, что немаловажно, добросердечной. Чем больше молодежи приходило в отделение Мономаха, тем глубже он убеждался, что эти ребята и девчонки в большинстве своем неправильно воспринимают медицинскую профессию, относясь к ней как к способу заработать на жизнь. Может, если тебе повезло устроиться в дорогой медицинский центр или твоя специализация, скажем, пластический хирург или ортодонт, тогда, конечно, справедливо ожидать хороших доходов. В остальных случаях придется довольствоваться довольно скромным заработком и подарками от пациентов, если они сами пожелают тебя отблагодарить. Но ведь есть еще и удовлетворение от того, что ты занимаешься любимым делом, и оно приносит пользу людям! В наши дни это звучит слишком пафосно и неуместно, но и сам Мономах, и те, у кого он учился, в большинстве своем

придерживаются именно такой идеологии. Это не означало, что они чужды материальных благ и не нуждаются в деньгах — просто они избрали такой образ жизни, который не позволяет разбогатеть, и свыклись с этой мыслью. В юности, живя на сущие копейки, Мономах утешался тем, что сравнивал себя с великими художниками и писателями — как правило, с Амедео Модильяни и Эдгаром По. Оба умерли в бедности, а при жизни влачили жалкое существование, однако даже не подумали сменить сферу деятельности, предпочтя продолжать делать то, к чему лежит душа, пусть даже это и не приносит дивидендов! Само собой, среди представителей его профессии встречаются отдельные индивиды типа бывшего главврача Муратова, ставящие финансовую составляющую превыше всего, но Мономах искренне считал, что судьбы им — только Бог да Следственный Комитет. И собственная совесть, если она, конечно, не отмерла еще в подростковом возрасте как ненужный рудимент. К сожалению, типы вроде Муратова в последнее время стали попадаться все чаще... Вот и Оля вынуждена была уйти в более «хлебное» место: на ее попечении находились маленький сынишка и сестра-инвалид, что заставило ее искать зарплату повыше. Мономах не осуждал медсестру, хотя и сожалел о ее уходе. Он не интересовался ее дальнейшей судьбой, полагая, что у нее все хорошо. Однако до него доходили слухи, что Оля устроилась в дорогой медицинский центр на Васильевском острове. Это центр города, а значит, расценки аховые, что позволяет надеяться на хорошие заработки. И вот неожиданно, спустя nasколько лет, медсестра звонит с просьбой о встрече. Мономах понял по ее голосу, по тону, что она близка к состоянию паники, и не представлял,

что могло настолько взволновать молодую женщину, вынудив обратиться к нему, человеку, с которым судьба развела ее давным-давно. Да и близки-то они никогда особо не были — какая близость между за-вом отделением и средним медперсоналом!

подавив вздох, Мономах потянулся за ключами от кабинета.

* * *

— Итак, что заставляет вас подозревать преследование, Инга Алойзовна?

Алла изо всех сил изображала заинтересованность, хотя на самом деле считала, что дело не стоит выеденного яйца: если бы не личная просьба руководителя следственного управления Андрона Кириенко, генерал-майора юстиции и ее непосредственного руководителя, она бы ни за что не стала этим заниматься! Если ты считаешь, что тебя кто-то преследует, обращайся в местное отделение полиции, там обязаны принять меры — совершенно необязательно бежать со своими предположениями аж в Следственный Комитет, напрягая при этом все доступные связи! Из-за таких вот паникеров, обладающих «волосатыми лапами» на разных уровнях, по-настоящему пострадавшие люди вынуждены ждать своей очереди без особой надежды.

— Честно говоря, Алла Гурьевна, я не ожидала, что Тимур разовьет такую бурную деятельность и обратится в СК!

Вот так номер! Выходит, звонок Кириенко был инициативой какого-то там Тимура? Что ж, голос у нее приятный, у этой Цибулис, да и внешность вполне себе презентабельная: наверное, такой и должна быть врач, имеющая дело с тяжелоболь-

ными — она вызывает доверие и расположение, дает надежду.

Инга Цибулис была миниатюрной, стройной женщиной чуть за сорок. Никто не назвал бы ее красивой — слишком острые черты лица, нос длинноват, глаза близко посажены, — но все же она была по-своему привлекательна благодаря густой копне медно-рыжих волос и молочно-белой коже без следа веснушек, что, по наблюдениям Аллы, является редким исключением из правил представительей такого фенотипа. Кроме того, улыбалась Цибулис очаровательно, одними уголками губ, но выходило это у нее как-то мило и тепло, даже вроде бы виновато. Похоже, докторша ощущала себя не в своей тарелке в кабинете следователя, и Алла ее понимала: мало кто может здесь расслабиться.

— Кто такой Тимур? — поинтересовалась Алла, не любившая, когда ей что-то неизвестно.

— Хороший друг, — мягко пояснила собеседница, и по ее тону стало ясно, что друг этот и в самом деле очень близкий — Алла легко улавливала полутона. — Он запаниковал... зря я ему рассказала!

— Ну, раз уж вы здесь, может, расскажете все с самого начала?

— Честное слово, Алла Гурьевна, я не думаю, что дело серьезное...

— Ваш... друг и мой начальник считают, что это так, а значит, стоит, по крайней мере, разобраться. Вполне вероятно, вы правы, и тогда мы просто разойдемся. Но если их опасения имеют под собой основания, то, чем раньше мы оценим уровень опасности, тем лучше!

— Хорошо! — вздохнула Цибулис и взъерошила волосы пятерней — жест, который могла позволить лишь полностью уверенная в себе женщина,

не боящаяся нарушить безупречность прически. — Возможно, меня действительно кто-то преследует, но я не уверена, что это опасно.

— Какие факты заставляют вас так полагать?

— Некоторое время назад прокололи шины моего автомобиля...

— Господи, это же сплошь и рядом случается — ну, побаловался кто-то, и все! — перебила ее Алла.

— Я тоже так подумала, но это случилось снова. И снова.

— Трижды?

— Четырежды, если быть точной.

— А вот это уже интересно! — пробормотала Алла, чувствуя, как раздражение от того, что ее оторвали от важных занятий ради беспочвенной тревоги истеричной дамы, постепенно отступает, уступая место азарту, который она ощущала каждый раз, когда пахло интересным расследованием. — Что-то еще?

— Мой почтовый ящик подожгли. В нашем подъезде везде стоят камеры, но на них отсутствуют записи в момент поджога!

— Что, совсем?

— Да нет, но... там помехи, понимаете?

— Понимаю. Похоже, ваш недоброжелатель с техникой на «ты»!

— А еще мне постоянно названивают — и на мобильный телефон, и на домашний. Я даже номера сменила, но это не помогло! Тимур пытался пробить этого телефонного террориста по своим каналам, но оказалось, что звонки приходят из-за границы, причем из разных стран!

— Больше ничего нет?

— Слава богу, нет, — покачала головой Цибулис. — Потому-то я и не особенно беспокоюсь: ну да,

звонки раздражают, да и машину жалко, но физически, по крайней мере, мне навредить не пытаются.

— Это ни о чем не говорит, — возразила Алла. — Если вас преследует маньяк, то, почувствовав безнаказанность, он может перейти к более активным и, соответственно, агрессивным действиям.

— Маньяк?! — переспросила Цибулис, словно такая мысль до сих пор не приходила ей в голову. — Это же ерунда какая-то!

— Почему?

— Да кто я? Актриса? Певица? Знаменитость какая-то? Это их преследуют всякие ненормальные, а я известна только в узком кругу врачей и пациентов — с какой стати кому-то этим заниматься!

— У вас есть предположения, кто это может быть? Может, недовольный лечением пациент или коллега, которого вы обошли на карьерной лестнице?

— Не думаю... Знаете, Алла Гурьевна, недоброжелатели есть у всех, но это же не означает, что кто-то из них на такое способен!

— Люди разные, Инга Алойзовна, — резонно ответила на это Алла. — Никогда не знаешь, чего от них ожидать!

Некоторое время Цибулис молчала, как будто пытаясь осознать, насколько велика опасность, которую она до сих пор была склонна преуменьшать. Алла решила не дожидаться окончания процесса и задала новый вопрос:

— У вас есть враги, Инга Алойзовна?

— Враги? Да у кого же их нет?!

— Надо составить список.

— Это будет выглядеть как донос!

— Ничего подобного, ведь никто не собирается задерживать людей лишь на основании ваших

предположений! Однако необходимо выяснить, у кого из них на вас такой огромный зуб, что они не жалеют ни времени, ни ресурсов на то, чтобы затруднить ваше существование. Предлагаю начать прямо сейчас. Вот вам бумага, вот ручка — пишите!

Оставив Цибулис в кабинете, Алла решила прогуляться до кабинета Кириенко. Ей просто необходимо было выяснить, насколько важная птица эта докторша, кто такой загадочный Тимур, и почему высокое начальство заинтересовано в помощи этим людям. Алла любила определенность во всем, что тут поделаться?

Затренькал телефон в кармане брюк, и она с удивлением увидела, что на экране высветилось имя Ивана Гурнова. Гурнов работал в одной больнице с Мономахом, только, если второй был хирургом-травматологом, то первый заведовал патологоанатомическим отделением, которое Мономах шутливо окрестил «царством Аида». С некоторых пор Иван, с подачи Аллы, начал сотрудничать со Следственным Комитетом, и она не раз пользовалась услугами этого компетентного и эрудированного специалиста. Немаловажную роль в том, что Алле пришлось в голову «сосватать» Гурнова начальству в качестве судмедэксперта, сыграла его близкая дружба с Мономахом, человеком, с которым Алле хотелось сблизиться с самой первой встречи. Однако она не ожидала, что Гурнов позвонит, так как, насколько ей было известно, никаких общих дел они в данный момент не вели.

— Алла Гурьевна, приветствую! — отрывисто прокаркал патолог хриплым, низким голосом.

— Добрый день, Иван Геннадьевич...

— Да как сказать! — перебил он.